

2014–2015: итоги и перспективы

Будущее нашей страны неразрывно связано с ее соседями – как ближними, так и дальними

Евгений Янович САТАНОВСКИЙ,
президент независимого научного центра «Институт Ближнего Востока»

Главным итогом завершившегося 2014 года для России является значительное обострение ситуации на ее западных и южных рубежах и переход Вашингтона с Брюсселем в режим открытой конфронтации с Москвой.

Отказ Украины от внеблокового статуса продемонстрировал, какую задачу ставили перед собой организаторы майдана, протолкнув к власти в Киеве контролируемые ими группы местной элиты.

Шаги на восток

Гражданская война на юго-востоке Украины – «война по доверенности» США против РФ – сформировала очаг напряженности на границах России.

Поток беженцев и временно перемещенных лиц, на пике угрожавший превысить миллион человек, осложнил ситуацию в приграничных областях страны. Нарастает угроза диверсионно-террористических вылазок украинских радикалов, имеющих опыт участия в боевых действиях против России в обеих чеченских и августовской войне с Грузией.

В то же время воссоединение с Россией Крыма и его интеграция в состав страны, переломив позднесоветскую и постсоветскую тенденцию одностороннего отказа Москвы от своих национальных интересов, ликвидировали угрозу вытеснения российского ВМФ из Черного моря, равно как и России из Причерноморья. Опасность превращения Севастополя и других крымских портов в базы НАТО ликвидирована. Последствия этого для будущего Североатлантического альянса, в том числе за счет переоценки его союзниками и рядом членов (в первую очередь Турцией) своих отношений с Вашингтоном, чрезвычайно значительны.

Попытки компенсировать геополитическое поражение США в Крыму введением санкций, антироссийской пропагандой и превращением Украины в страну, управляемую из Вашингтона, означают открытое возвращение западного сообщества к холодной войне. Это ставит под вопрос само будущее отношений Евросоюза и России, завершив дискуссии о возможности интеграции нашей страны в Европу. С другой стороны, именно эта ситуация дала старт оформлению стратегического альянса РФ с КНР в сфере поставок энергоносителей и создала возможность формирования военно-политического альянса Москвы и Пекина.

То же самое относится к отношениям России и Турции. Несмотря на диаметрально противоположные позиции по сирийской гражданской войне и роль Турции в транзите в Сирию боевиков-джихадистов со всего мира, включая постсоветское пространство, Москва и Анкара избегают конфронтации, в том числе по поводу Крыма. Турция, член НАТО и страна, ассоциированная с ЕС, получила историческую для нее возможность закрепить за собой после остановки «Южного потока» транзит в Европу российских углеводородов на балканском направлении. Попытка Евросоюза торпедировать этот проект в пользу Украины стала для Брюсселя пирровой победой.

Последнее отнюдь не означает, что Турция и Китай при случае не воспользуются новой геополитической ситуацией для того, чтобы получить во взаимоотношениях с Россией односторонние выгоды. Однако они не будут делать это исходя из идеологических догм, исторических фобий и тем более в ущерб собственным экономическим интересам. Что выгодно отличает их от стран ЕС и США и оправдывает для России смену односторонней политики последней четверти века, направленной исключительно на укрепление связей с евроатлантическим сообществом.

Вразнос или в расход?

Политическая и гуманитарная поддержка Москвой неконтролируемых властями Киева регионов юго-востока Украины сорвала запланированный ее руководством блицкриг и заставила США втянуться в длительное противостояние с неясным исходом в попытке поддержать патронируемый ими коррумпированный олигархический режим в стране со значительным населением и

рушащейся экономикой. Эксперты в этой связи вспоминают об американской политике периода, предшествовавшего началу вьетнамской войны.

Как следствие перспективы сохранения Украины на протяжении длительного периода в границах, существующих на момент написания настоящей статьи, спорны. В случае дальнейшего развития событий по наблюдаемому сценарию, включая криминализацию этой страны, создание частных армий и усиление независимости губернаторов при слабом центре, продолжение ее распада на составные части в краткосрочной перспективе весьма вероятно. При этом Россия к внутренним процессам, способствующим распаду Украины, вопреки утверждениям западных политиков и СМИ отношения не имеет и повлиять на них не может.

Альтернатива федерализации или мирному «разводу» украинских регионов – переход к гражданской войне на всей или большей части территории страны. 2015 год в этом плане может стать критическим. Экономика Украины коллапсирует, и поддерживать ее США и Евросоюз не намерены. Энергоснабжение страны за счет разработок на ее территории сланцевого газа оказалось фикцией: к концу 2014 года работы по этому направлению, проводимые крупными американскими корпорациями, были свернуты в том числе из-за невозможности работы на территории государства, где отсутствует правовое поле. Россия поддерживать функционирование энергосистемы Украины за собственный счет, как это происходило на протяжении всего постсоветского периода, более не будет.

При этом консервация противостояния на украинском юго-востоке на существующем уровне возможна только в случае выполнения Киевом Минских договоренностей. Это же касается попыток организации правительством Украины или неконтролируемыми им силовыми группировками губернаторов и полевых командиров вооруженных провокаций, направленных против России. Эскалация конфликта Киева с ЛНР и ДНР чревата его распространением на всю территорию юга и востока страны с непредсказуемыми для нее результатами.

Состояние украинской армии не внушает аналитикам оптимизма: ее переподготовка и оснащение при поддержке НАТО в случае серьезного военного противостояния приведут только к утере предоставленной ей техники и вооружения в пользу противников – как это было в Грузии и происходит в настоящее время в Ираке и Афганистане. Превращение ВСУ в современную эффективную армию возможно лишь в условиях искоренения в руководстве страны коррупции и формирования эффективной системы государственного управления. Ни то ни другое не представляется реалистичным.

Планы введения всеобщей воинской повинности в условиях продолжения властями Киева гражданской войны при отсутствии реальных угроз со стороны атакуемых им регионов ослабляют позиции центральных властей в глазах населения. «Патриотический подъем», в основе которого лежит антироссийская пропаганда украинских СМИ, не означает готовности идти на войну: массовое уклонение от призыва может стать единственным его результатом.

Коллаж Андрея Седых

Опиум атакует

На южном направлении основную угрозу для России составляет дестабилизация после вывода американских войск из Афганистана с перспективой нарастания давления на страны Центральной Азии. Государственные институты Афганистана практически не работают. Страна остается одним из главных производителей и основным поставщиком опиатов в мире. Боестолкновения исламистов с местными территориальными силами самообороны и афганскими силовиками зимой 2014–2015 годов впервые не прерывались – вероятность того, что весной 2015-го начнется широкомасштабное наступление радикалов на Туркменистан, Киргизию, Таджикистан и Узбекистан, чрезвычайно высока.

Вопрос в том, в какой мере власти упомянутых стран смогут отразить исламистскую угрозу с учетом широкого распространения в них салафитского подполья, которое,

если ослабление или опасность обрушения местных режимов станет реальностью, поддержат спонсоры «арабской весны» Саудовская Аравия и Катар, конкурирующие между собой за Центрально-Азиатский регион. Борьба за контроль над маршрутами газопроводов и водные ресурсы (верхнего течения Амударьи) может полностью дестабилизировать регион.

Существенно, что исламисты из движения Ф. Гюлена, которые до последнего времени, когда он вступил в открытое противостояние с действующим президентом Р. Т. Эрдоганом, считались инструментом турецкого влияния, заняли ключевые позиции в рядах «туркменских талибов», контролирующих афгано-туркменское пограничье с юга. Ограничения, наложенные на сеть образовательных учреждений Гюлена в Туркменистане (в августе 2014 года) и ряде других стран Центральной Азии, стали следствием того, что их выпускники, с точки зрения местных силовиков, составляют «пятую колонну», которая может поддержать атаку Исламского движения Узбекистана и других радикалов в случае начала вооруженного конфликта с ними.

Отношения местных лидеров сложные, координация их действий даже перед лицом внешней угрозы сомнительна. Их подозрения в отношении намерений России вернуться к временам СССР велики и подогреваются извне. Традиционный для Туркменистана изоляционизм, дистанцирование от ОДКБ Узбекистана, клановая криминализированность и высокий уровень влияния наркомафии в Таджикистане и Киргизии, а также свобода действий на территории последнего многочисленных радикальных группировок облегчают задачу исламистов и значительно повышают риск успеха «центральноазиатской весны».

На границе с Индией или Пакистаном

В то же время речь идет именно о джихадистах из стран Центральной Азии: пуштуны, поддерживаемые Пакистаном, после ухода основного воинского контингента США будут бороться за установление контроля над Афганистаном. Группировки талибов имеют разные интересы, как продемонстрировал декабрьский теракт в Пешаваре, организованный ТТП. Он был воспринят руководством пакистанских ВС как прямой вызов, притом что группа Хаккани поддерживает прочные отношения с пакистанской межведомственной разведкой ISI, курирующей ситуацию в Афганистане в интересах Исламабада.

Эксперты отмечают, что популяризируемый СМИ тезис о возможности объединения сил «Аль-Каиды», руководство которой базируется в афгано-пакистанском пограничье, и Исламского государства, основные операции которого проводятся на территории Ирака и Сирии, с практической точки зрения не имеют шансов на реализацию. Конкуренция этих джихадистских структур отражает соперничество Саудовской Аравии и Катара. При этом Исламское государство на современном этапе получило перед «Аль-Каидой» значительное преимущество.

В результате летнего наступления объединение суннитских племен Ирака, баасистов и исламистов Исламского государства Ирака и Леванта, получившее название ИГ, взяло под контроль до 40 процентов территории Ирака и 30 процентов Сирии с населением более шести миллионов человек. ИГ контролирует среднее течение Тигра и Евфрата, многомиллиардные золотовалютные резервы и запасы нефти, экспорт которой дает этой группировке до трех миллионов долларов США в день.

Присоединение к ИГ исламистских структур по всему миру, в том числе в Магрибе и Сахеле, приток в Ирак и Сирию джихадистов из стран Запада, постсоветских республик и КНР превратили эту структуру в главную опасность для мирового сообщества. В странах, откуда прибыли «исламисты-интернационалисты», неизбежен подъем террористической активности после их возвращения. Последнее на рубеже 2014–2015 годов уже началось, но основные проблемы, в первую очередь в Европе, откуда происходит наибольшая часть примкнувших к ИГ боевиков, ожидаются после раскола его структуры из-за объективно разных интересов иракских суннитов и иностранных джихадистов.

Киберджихад и европейские исламисты

Дополнительные проблемы в сфере безопасности для западного сообщества возникли из-за интенсификации киберджихада – пропаганды террористической активности через Интернет в виде индивидуальных силовых актов, как в Австралии, Канаде и Франции. События такого рода практически невозможно предупредить. При этом как «Аль-Каида», так и ИГ уделяют «интернет-университетам» джихада растущее внимание и опираются в этой работе на профессионалов. То же самое касается работы над получением ИГ оружия массового поражения: биологического и химического на базе лабораторий мосульского университета.

Среди источников финансирования джихадистской деятельности, помимо контрабанды нефти и захвата активов (светских суннитов, шиитов, христиан, йезидов и пр.), следует отметить масштабную торговлю археологическими артефактами, эксплуатацию местного населения, превращенного в крепостных, продажу рабов и получение выкупа за пленных европейцев и американцев, поставленные на поток. Захват западных заложников ведется не только на территории, контролируемой ИГ, но и в Магрибе, Сахеле и на Аравийском полуострове, в первую очередь в Йемене.

Характерно, что декларируя необходимость борьбы с ИГ, беспрецедентные успехи которого в Ираке стали прямым следствием вывода из этой страны американской армии, Вашингтон не столько воюет с исламистами так, как это необходимо для победы (которая без проведения масштабной сухопутной операции невозможна), сколько демонстрирует присутствие на поле боя в виде точечных авиаударов. Отказ президента Обамы от войны за границами США в тех масштабах, которые вела предшествующая администрация, стал одной из причин негласного сотрудничества Соединенных Штатов с Ираном и отказа от немедленного свержения режима Асада в Сирии. Декларации о необходимости этого не означают согласия с требованиями об интервенции Турции, Саудовской Аравии и Катара.

Для США этот восток уже не ближний

С учетом значительного охлаждения отношений с Израилем, дистанцирования от США Пакистана и длительной паузы в военно-техническом сотрудничестве с Египтом на фоне поддержки Обамой «Братьев-мусульман», опекаемых Катаром, можно говорить, что с военно-политической точки зрения Соединенные Штаты на БСВ значительно ослабли. Это в большой мере вызвано политикой действующей администрации и лично президента Обамы. В условиях, когда переговоры «Шестерки» по ядерной проблеме Ирана зашли в тупик, Вашингтон готов негласно ослабить санкции, наложенные на ИРИ, с тем, чтобы на европейском рынке энергоносителей столкнуть Иран и Россию.

Можно предполагать, что в 2015 году поставки на мировой рынок иранской нефти будут расти. То же самое касается арабских нефтепроизводителей, а также Алжира и Катара в сфере газового экспорта. Сотрудничая с Россией в сфере поставок вооружений и военной техники, Тегеран и Алжир не пойдут на координацию экспорта углеводородов с Москвой или членами ОПЕК: в этом вопросе каждая страна будет руководствоваться собственными интересами.

При этом целый ряд государств БСВ, включая Израиль, не присоединился к западному блоку на Генеральной Ассамблее ООН при голосовании по резолюции, осуждавшей Россию из-за ситуации на Украине, а Турция и Иордания поддержали его формально, сохранив экономические и политические отношения с Россией или расширив их. Притом что ситуация в Сирии может быть охарактеризована как стабильная нестабильность, РФ в регионе скорее упрочила свои позиции по сравнению со странами НАТО при сохранении ими абсолютного доминирования в экономической сфере.

Внутриисламская борьба

Существенным в 2015 году будет являться вопрос преемственности высшей власти в Алжире, Саудовской Аравии и Омане. Обострение противостояния шиитов и суннитов, патронируемых Ираном и Саудовской Аравией, проявилось в Ливане и Йемене, где Иран добился руками хоуситских племен полного контроля над столицей и наиболее важными районами страны. Сохраняется опасность шиитского восстания в Восточной провинции Саудовской Аравии и на Бахрейне. В этих условиях КСА и его союзники, ОАЭ и Бахрейн, вынуждены были пойти на временное примирение с Катаром в ССАГПЗ, обусловив снятие претензий к Дохе прекращением ею поддержки в АРЕ террористической деятельности.

В то же время египетская армия вынуждена проводить на Синае масштабные операции против исламистов, неся значительные потери. Терракты организуются исламистами АРЕ в крупнейших городах страны, включая столицу – Каир. В Ливии ведутся непрерывные бои подразделений, возглавляемых генералом Х. Хафтаром, поддерживаемым Алжиром, ОАЭ и Египтом, с исламистами, финансируемыми Катаром. Сохраняется жесткая конкуренция Саудовской Аравии, Катара и Турции в Африке и Центральной Азии. Катар и Саудовская Аравия с переменным успехом борются за влияние на руководство США и Евросоюза.

В Тунисе парламентские и президентские выборы закрепили возвращение к власти сил, оппозиционных исламистам «Ан-Нахды», монополизировавшей власть после свержения в результате «арабской весны» авторитарного светского режима. При этом Тунис – первая страна в регионе, где исламисты потеряли власть не в результате реализации силового сценария. В то же

время ситуация в Магрибе и Сахеле в текущем году может быстро измениться: радикальные группировки, вооруженные современным оружием с разграбленных складов бывшей ливийской армии, наращивают ресурсы и пополняются свежими кадрами.

Операции, которые на территории Мали проводила Франция и армии стран Сахеля против исламистов, не привели к их разгрому или ослаблению. В перспективе это позволяет им в короткие сроки нанести значительный ущерб интересам Евросоюза, перекрыв поставки в Европу газа и нефти из Северной Африки, а также урана, являющегося основным сырьем для французских АЭС. В значительной мере именно зависимость от исламистов и неспособность справиться с ними военным путем спровоцировали решение Евросоюза об исключении палестинского ХАМАС из списка террористических группировок, которое лоббировал Катар, патронирующий эту структуру в настоящее время.

В 2015 году высока вероятность очередного военного конфликта с ХАМАС Израиля. На фоне стремительного распада отношений Иерусалима с ПНА из-за односторонних шагов палестинского руководства в ООН, нарушающих «соглашения Осло», можно говорить об окончательном завершении эпохи палестино-израильского «мирного процесса». Проект создания палестинского государства оказался неработоспособным.